№ 6 2002

© 2002 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, П. Д. МАЛЫГИН, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ И НОВОТОРЖСКИХ РАСКОПОК 2001 г.

Раскопки 2001 года в Великом Новгороде и в Торжке (Новом Торге) привели, как всегда, к пополнению коллекции средневековых берестяных документов. Особенностью же этого полевого сезона стало обнаружение текстов принципиально нового, нежели прежде, содержания. Подтвердилось, что береста способна донести до нас не только бытовые заботы предков, но и образцы литературного творчества, о чем до сих пор мы только мечтали. Среди приводимых ниже грамот таковы новоторжская № 17 и новгородская № 916.

НОВГОРОД

Работы в Новгороде в первый год третьего тысячелетия начались с освоения нового участка Троицкого раскопа. Вручную были вскрыты поверхностные слои XVII–XX веков и новый участок был доведен до уровня XVI столетия. Однако методика вскрытия влажных, постоянно заливаемых дождями и почвенными водами культурных напластований, делает необходимой прокладку по периметру раскопа траншей-водосборников, позволяющих вести нормальное вскрытие основной площади изучаемого участка. Дно таких траншей достигло уровня XIII века, и обнаруженные на этой глубине находки оказываются, таким образом, как бы посланными из будущего полевого сезона. К числу таких находок на Троицком-14 раскопе (руководитель работ А. М. Степанов) принадлежат, в частности, и две из трех новгородских берестяных грамот, публикуемых ниже.

Грамота № 916. Троицкий раскоп. По внестратиграфической оценке — 2 пол. XIII в. Усадьба, на которой обнаружена эта грамота, расположена на древней Рядятиной улице Людина конца; по данным писцовых книг XVI века она традиционно принадлежала клирикам расположенной рядом Троицкой церкви, существовавшей с XII столетия [Майков 1911: 179].

Это целый документ из пяти строк:

(с)[и] г҃лть есиѳ[о] (ко) дьвць марие : цто дьло се ежь ть=
бь вижю ньдоꙋмью и дивлюсѧ и ꙋмомь ꙋжѧса=
юсѧ : таї ѿ мьнь бꙋди скоро ибъı ѿ цр҃кви и ѿ ерьи
ѧко г҃нѣю тѧ приѧхо хꙋлꙋ ми приньсла еси за цьсть
срамꙋтꙋ за вьсьлье скорбь за нь хвалитисѧ

Так же как и найденная несколькими днями раньше новоторжская грамота № 17, о которой см. ниже, это не бытовой и не деловой текст, а литературный — в данном случае литургический. Источник — Часы в Навечерие Рождества Христова,

час 1-й, тропари перед чтением паремии, тропарь на "Славу", глас 8. Современный текст здесь таков:

Сия глаголет Иосиф к Деве: Марие, что дело сие, еже в тебе зрю? Недоумею и удивляюся, и умом ужасаюся, отай от мене буди вскоре. Марие, что дело сие, еже в тебе вижу? За честь срамоту, за веселье скорбь, вместо еже хвалитися, укоризну мне принесла еси. К тому не терплю уже поношений человеческих: ибо от иерей из церкви Господни непорочну тя приях, и что видимое?

Евангелие от Матфея очень кратко излагает представленнный в приведенном тексте сюжет. Обрученный с Девой Марией Иосиф обнаружил, что она ждет ребенка и решил тайно, без огласки отправить ее прочь. Однако явившийся ему ангел возвестил о том, что она "имеет во чреве от Духа Святого". Сцена упреков Иосифа в каноническом тексте Евангелия отсутствует, но она содержится в тропаре "на Славу", который исполняется перед чтением паремии в навечерие Рождества Христова[1].

Вероятно, в грамоте № 916 текст тропаря записан по памяти и именно этим объясняются имеющиеся в нем искажения; но не исключено, что искажения имелись уже в том письменном тексте, с которого списывал или который заучил наизусть наш писец. Несомненная описка — *срамȣтȣ* вместо *срамотȣ* (с предвосхищением *ȣ*). По-видимому, *дьвць* — тоже описка (вместо *дьвиць*); менее вероятно, что писавший подменил в тексте слово *дѣвица* народным словом *дѣвка*: тогда он скорее всего написал бы *дьвкь*, а не *дьвць*. В ряде других случаев (*тьбь* вместо *во тьбь*, *ибы* вместо *ибо, зань* вместо *заньжь*) можно предполагать как простую описку, так и то, что что писавший плохо понимал соответствующее место и переосмыслял его по-своему (как 'тебя вижу', 'и было', 'потому что').

Во второй половине отрывка писавший допустил в тексте ряд перестановок и пропусков, в результате чего несколько пострадал исходный смысл. В частности, *Господню* стало эпитетом не для церкви, а для Марии; вместо семантически безупречных оппозиций 'за честь срамоту', 'за веселье скорбь' возникли менее прозрачные 'хулу за честь', 'срам за веселье' и даже синтаксически неправильное *скорбь зань хвалитисѧ*.

Можно предполагать, таким образом, что сам писавший осмыслял весь текст приблизительно так: 'Сие говорит Иосиф девице: «Мария! Что это за дело, что я тебя [такою] вижу? Недоумеваю и дивлюсь и умом ужасаюсь! Тайно (без огласки) прочь от меня немедленно! И было [так]: от церкви и от иереев как Господню я тебя принял (*или*: А ты была от церкви и от иереев, как Господню я тебя принял). Ты [же] хулу мне принесла за честь, срам за веселье, скорбь вместо (?) того, чтобы [мне] хвалиться»'.

Язык — церковнославянский; но в записи отражено новгородское цоканье (*цто, цьсть*). В Д. ед. *дьвць*, если это вместо *дьвиць*, употреблено диалектное окончание ⟨-*ѣ*⟩.

Следует заметить, что самой ранней русской рукописью, в которой воспроизведен текст тропаря "на Славу", является "Студийский устав" конца XII века[2]. Как видно из приписок, она была предназначена для библиотеки новгородского Благовещенского монастыря, находящегося в ближайших окрестностях Людина конца. Монастырь основан в 1170 году архиепископом Илией и его братом, будущим архиепископом Гавриилом. В дальнейшем он стал главным людинским монастырем.

---

[1] Авторы публикации сердечно благодарят М.В.Рождественскую, указавшую источник этого текста.

[2] Устав студийский церковный и монастырский. Кон. XII в. ГИМ, Син. 330, л. 111об. (Библиографию см.: [Сводный каталог 1984: 159–161, № 138; Пентковский 2001: 306].

Первая приписка (об основании монастыря и строительстве в нем каменной церкви в 1179 г.) внесена еще при жизни Илии, следующие, выполненные одним почерком, повествуют о смерти Илии в 1186 г. и Гавриила в 1193 г. Последняя его приписка призывает милость Господню монастырю и его братии [Столярова 2000: 562–568].

Именно в росписях Благовещенского монастыря (они исполнены в 1189 году), в сюите Богородичного цикла, сохранилась фреска, передающая сюжет "Упреков Иосифа и плача Марии". Исследовательница этих росписей Т. Ю. Царевская так описывает интересующую нас композицию: «Иосиф с "упрекающим" движением поднятой руки изображен стоящим слева; плачущая Мария, со скорбным жестом руки, горестно прижатой к щеке, помещена справа. Статический характер фигур, а также значительная цезура между говорящими, придают жестам особое эмоциональное звучание» [Царевская 1999: 55]. Этот сюжет достаточно широко распространен в средневековой храмовой живописи средиземноморских стран, но на Руси аналогий ему нет (возможно, правда, что подобная несохранившаяся композиция имелась в Богородичном цикле фресок псковского Мирожского монастыря).

Остается добавить, что Илия до своего избрания на архиепископскую кафедру был священником церкви Власия на древней Волосовой улице [ПСРЛ III: 125, 180, 215], а этот храм расположен в непосредственной близости к месту находки берестяной грамоты № 916. Не был ли сюжет тропаря "на Славу" одним из излюбленных Илией? И не это ли обстоятельство связывает воедино Людин конец, архиепископа Илию, благовещенскую фреску и запись тропаря "на Славу" в берестяной грамоте № 916?

Грамота № 917. Найдена в процессе археологического контроля за земляными работами на территории бывшего дома В.С.Передольского на Нутной улице. По внестратиграфической оценке, XIV — 1 пол. XV в. Целый документ из двух строк — запись на обрезанном куске толстой бересты:

сидорє
калики

Это владельческий ярлычок с именем Сидора Калики.

В форме *Сидоре* следует видеть не И. ед. от самого имени (поскольку в этом случае была бы необъяснима форма *Калики*), а притяжательное прилагательное 'Сидорово' (или 'Сидоров' — род в данном случае устанавливается неоднозначно). *Калики* — Р. ед. от *Калика* (или *Калѣка*), с окончанием *-и*, восходящим скорее к *-ѣ*, чем к *-ы*. Конструкция с притяжательным прилагательным в первом члене и родительным падежом во втором для этого времени совершенно правильна.

Прозвище *Калика* (*Калѣка*) хорошо известно по знаменитому новгородскому архиепископу 1331–1352 гг. Василию Калике.

Грамота № 918. Троицкий раскоп. По предварительной оценке, кон. XIII — XIV в. Целый документ из двух строк — запись на донце берестяного туеска:

посадникє ѡкс=
интии

Это владельческий ярлычок с именем посадника Оксинтия (Оксентия). Поскольку в списках новгородских посадников такого имени нет, можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело с одним из двинских посадников.

ТОРЖОК

Начиная с 1999 года активизация археологических исследований в Торжке (начальник экспедиции — П. Д. Малыгин) привела к тому, что сегодня этот город занял третье место (после Новгорода и Старой Руссы) по числу найденных в нем берестяных грамот.

В 2001 г. исследования проводились на Воздвиженском 4 раскопе (начальники раскопа Г.Е.Дубровин и Н.А.Сарафанова), на левобережном неукрепленном посаде Торжка на площади 216 кв. м. В пределы вскрытого участка частично вошли четыре усадьбы XII — начала XIII в. (Б, В, Д и Е), погибшие во время разорения города монголо-татарами в 1238 г. Средневековые напластования, не превышающие по толщине 1,5 м, залегают здесь по склону коренного берега р. Тверцы и тянутся вдоль реки на 1 км [Малыгин 1989]. Две грамоты происходят с усадьбы Б, одна — с усадьбы В.

Грамота № 17. Найдена 25 июля 2001 г. на усадьбе Б Воздвиженского 4 раскопа. Принадлежит к числу самых больших берестяных документов: ее длина 55,5 см, ширина 9 см. Несмотря на свои огромные размеры, береста лежала не свернутой в рулон, а в горизонтальном положении со сложенными краями.

Стратиграфическая дата: 1171–1195 гг. Внестратиграфическая оценка — при учете только палеографии и графики: 1160–1220 гг. (с небольшим предпочтением к первой половине интервала); при учете еще и языка: 1200–1220 гг. (таким образом, язык выглядит чуть моложе, чем палеография).

Это целый документ из семи строк:

мацешини же дети се соуте гордосте : непокорение : прекословее : пре=
зоресво : хоула : кевета : зломыслие : глево : вражда пеанесво : игры не=
приазнины и всакаа злобе : а кало есте клевета хоула · гнево осоужение
прекословее : сваро : бои : зависте : вражда злопоминание : непокорение
злосердее : злии помысли : смехотворение : и вса игры бесовескыа : та же
пакы запоисво : резоимание : грабление : разбои : татба · дшегоубление
потвори поклепо отрава блоуди прелюбодеание царотворение

Описки: *кевета*, *глево* (вместо *клевета*, *гнево*).

Необычность грамоты состоит в том, что, в отличие от подавляющего большинства берестяных документов, это не письмо и не деловая запись, а литературный текст. Перед нами извлечение из литературного произведения, а именно "Слова о премудрости" знаменитого писателя и проповедника XII века Кирилла Туровского (или по крайней мере приписываемого ему [Калайдович 1821: 90–91; Буслаев 1861: 691]; Кирилл Туровский использовал в свою очередь одно из слов Иоанна Златоуста [Сл. XI–XVII, 9: 50]).

Перевод: 'Мачехины же дети — это гордыня, непокорность, переченье, высокомерие, хула, клевета, злоумышление, гнев, вражда, пьянство, сатанинские игрища и всякое зло. А грязь — это клевета, хула, гнев, осуждение, переченье, ссора, драка, зависть, вражда, злопамятство, непокорность, злобность, злые помыслы, забавы со смехом и все игрища бесовские; также упивание, ростовщичество, грабеж, разбой, воровство, убийство, напускание порчи, поклеп, отравление, блуд, прелюбодеяние, колдовство'.

Приводим для сравнения фрагмент "Слова о премудрости" Кирилла Туровского по изданию [Калайдович 1821: 89–91] (разделение на абзацы — условное, только для удобства сравнения с новоторжской грамотой № 17).

Отгнахомъ отъ себе матерь, а мачеху пріяхомъ, ейже имя величанье,

дѣти же ея суть: гордость, непокореніе, прекословье, презорьство, хула, клевета, зломыслье, гнѣвъ, вражда, пьяньство, игры непріязнины и всякая злоба.

Да аще хощеши матере ся лишити, а мачеху любити и ея дѣти; то съ тѣми обрящеши собѣ гордаго дьявола, вязящаго въ тмѣ кромѣшнѣй и въ огни негасимѣмь, идѣже и ты будеши привязанъ съ нимь. Аще не отженеши отъ себе мачехы и ея дѣтій, то не пріимеши матере съ дѣтми ея, то будеть ти послѣдняя горша первыхъ. Ты же ми рци: како могу пріяти матерь, а Отца разгнѣвивъ, а порты Хрестьяныя искалявъ? азъ же тя, брате, научю: порты искаляныя измый, и тогда тя пріиметь Отець, и начнеть тя любити паче первыя любве. Порты же суть: крещеніе, вѣра;

а калъ: клевета, хула, осуженье, гнѣвъ, прекословье, сваръ, бой, зависть, вражда, злупоминанье, непокореніе, злосердіе, зліи помысли, смѣхотвореніе, и веся игры бѣсовьскыя; тажє пакы: запойство, рѣзоиманье, грабленье, разбой, татба, душегубьство, потвори, поклепъ, вълхвованія, чародѣянія, прелюбодѣянья, и всяка злоба;

Как можно видеть, списывая "Слово о премудрости", наш переписчик решил выбросить весь отрезок между двумя списками грехов, в частности, пассаж про "порты" ('одежду'), где упоминаются некоторые добродетели. Его явно интересовали только перечни грехов. Соответственно, из трех аллегорий — мачехины дети, одежды и грязь ("кал") на этих одеждах — он оставил только первую и третью (из-за чего возникли бросающиеся в глаза повторы в списках грехов). Вполне возможно, что его цель состояла в том, чтобы с помощью Кирилла Туровского получить текст, который непосредственно помогал бы ему готовиться к исповеди и покаянию (или готовить паству, если это был священник).

Обратим внимание на то, что большинство тех людей, к которым была обращена эта проповедь, погибло при осаде Торжка татарами Батыя в мартовский день 1238 года, когда героической обороной Торжка был спасен от военного разорения Новгород [Янин 1982].

Новоторжская грамота № 17 — первый случай, когда до нас дошел записанный на бересте полностью сохранившийся собственно литературный текст заметной длины. Из ранее найденных берестяных грамот, если не считать заговоров и короткого изречения, написанного на ободке туеса (грамота № 10), с ней может быть сопоставлен только найденный двумя годами ранее в Новгороде берестяной фрагмент № 893 — по-видимому, остаток большой грамоты, содержавшей нравоучительные афоризмы (например *Абьно же промышлая въ домоу, рано встани, а поздо ляги* 'Если же ведаешь домом, то рано встань, а поздно ляг'). Находка новоторжской грамоты № 17 решительно подтвердила предположение о том, что в древней Руси на бересте иногда записывались и литературные тексты. В частности, теперь уже есть все основания полагать, что с этой грамотой был сходен по общему характеру содержания и даже по внешнему виду тот первоначальный документ, от которого до нас дошел фрагмент № 893.

Естественно предполагать, что в отличие от писем и записок, посвященных текущим делам, берестяные документы этой категории сохранялись дольше и тщательнее. Как новоторжская грамота № 17, так и новгородская № 893 написаны на очень длинных (55 и 62 см) берестяных листах, которые, насколько можно судить, хранились не в виде рулонов, а в развернутом состоянии. Чтобы удержать упругие листы в таком состоянии, их, по-видимому, необходимо было при хранении покрывать сверху дощечкой. Разумеется, таким способом можно было хранить и не одиночный берестяной лист, а несколько листов (возможно, даже целую кипу).

Прямой аналогией здесь могут служить комплекты записей на бересте или на пальмовых листах, изготовлявшиеся в средневековой Индии. Так, серия пальмовых листов обрезалась в виде сильно вытянутых прямоугольников единого размера (иногда со слегка овальными краями), причем в двух строго определенных точках прямоугольника прорезались небольшие круглые отверстия. Эта серия заключалась между двумя досками того же размера, нижняя из которых имела шпеньки, проходившие сквозь отверстия листов (верхняя доска могла быть украшена резным орнаментом). Образцы таких комплектов можно видеть, в частности, в Далемском музее в Берлине. Сходным образом могли оформляться и записи на бересте. В частности, в рукописях V–VII вв. на бересте, найденных в 1931 г. в Гильгите (Кашмир), листы, размером 30×8 см, "складывались стопкой, один на другой, и зажимались между двух дощечек, по размеру равных листу рукописи. Листы из бересты, как правило, не скреплялись, каждый можно было вынуть из пачки. ⟨...⟩ Чтобы не повредить лист из бересты, отверстие не делали, но место, где это отверстие следовало делать, обводили кружочком и оставляли без текста" [Воробьева-Десятовская 1988: 37].

Правда, никаких прямых свидетельств того, что грамота № 893 и/или новоторжская № 17 есть часть более длинного текста, написанного на нескольких листах, нет; в частности, в обеих грамотах последняя строка кончается намного левее правого края листа. Но следует заметить, что и в индийских комплектах ясно видна тенденция к тому, чтобы каждый лист был оформлен как некое законченное письменное произведение (например, каждый лист несет ровно одну миниатюру и относящийся именно к ней текст). Можно предполагать, что в культурах, использовавших подобные комплекты листов, такие не сшитые между собой листы воспринимались как нечто аналогичное не страницам книги, а скорее картам в некоей колоде или открыткам в альбоме; отсюда требование законченности каждого отдельного листа.

Текст грамоты № 17 записан по бытовой орфографии, причем применен совершенно последовательный ее вариант: все ъ заменены на *о*, все ь и все ѣ заменены на *е*. Грамота являет собой, таким образом, чрезвычайно чистый и выразительный пример того, как церковно-литературный текст, проникая в бытовую среду, переписывается по бытовой орфографии. До находки этой грамоты столь бесспорных примеров такого рода еще не было. В пергаменных или бумажных рукописях мы никогда не встретим подобного сочинения, написанного целиком по бытовой орфографии (возможны только единичные отклонения в сторону такой орфографии). Таким образом, оригинал, с которого списывал наш переписчик (или по крайней мере его предшественник в цепи копирования), был написан по-книжному. Мы знаем теперь, что, списывая для домашнего употребления подобный нравоучительный текст, древнерусский грамотей считал допустимым и даже уместным не копировать книжную орфографию, а писать "по-домашнему". (Важно еще, что почерк здесь очень тверд и устойчив — он исключает всякую мысль о том, что дело тут в неумелости писца.)

В грамоте последовательно отражено позднедревнерусское состояние; буква *е* на месте срединного слабого ь присутствует только перед суффиксами *-ск-ыи* и *-св-о* (из *-ств-о*).

Язык — церковнославянский; но в записи отражено цоканье (*мацешини*, *цѧротворение*). Запись конечного *-ие* неустойчива: наряду с правильным церковнославянским *-ие* трижды встретилось русское *-ее* (= ⟨*-ье*⟩).

С диалектологической точки зрения представляет большой интерес написание *-сво* вместо *-ство* (три раза, т. е. описка исключена). Здесь явно отразилось упроще-

ние *ст* в *с*. Это явление хорошо известно в современных говорах — как в конечной позиции (например, *мос, шесь* вместо *мост*, *шесть*), так и в сочетании *ств* (например, *богасво*, *вешво*, *дурачво*, *есва*, *есво*, *знакомсво*, *княжесьво*, *мальсво*, *мусьво*, *о бчесво*, *одинасьво*, *одиносьво*, *окурасьво*, *очесво*, *пасва*, *пасво* и т. п. — см. эти статьи в СРНГ). Явление характерно для севернорусских говоров и западной части средне-русских.

В морфологии и морфонологии никаких отклонений от церковнославянских норм нет.

Грамота № 18. Найдена на усадьбе Б Воздвиженского 4 раскопа. Стратиграфическая дата: 1161–1171 гг. Это письмо из пяти строк, утратившее правую часть:

(гр)амота ѿ рожнѣгѣ · къ м[ѣ]... (...)
присъли · полъ · гривнѣ мо... ...
дьне не присълеши ли · а ... (...)
въ сол[ь т]и есмь дъ... (...)
повѣжь

В конце 2-й строки после *мо* видна левая часть *ю* или *и*, в конце 3-й строки после *а* — левая часть *п*, *г*, *б* или *в*.

Имя адресата — возможно, *Мѣстѧта* или какое-то более длинное с тем же началом (скажем, *Мѣстѧтъка*). Первые две фразы письма явно построены по часто встречающейся в берестяных грамотах схеме: "пришли деньги, которые ты мне должен; если же не пришлешь, то ..." (следует та или иная угроза). Можно предполагать, в частности, что первая фраза читалась так: *присъли полъ гривнѣ мо*[*ю*] (*до Петрова*) *дьне* (конечно, день мог быть и иным; но именно Петров день чаще всего служил предельным сроком для расчетов с долгами). Конец второй фразы менее ясен. Поскольку утраченная правая часть грамоты, по-видимому, была не очень велика, угроза должна была быть краткой; ср., например, в грамоте № 915: *присъли коуны*; *оже ли не присълеши*, *то ти въ полы.* Угроза *а* [*в*](*ъ полы*) 'то [это станет займом] в половину (т. е. под 50% роста)' могла стоять и в настоящей грамоте.

Последняя фраза письма скорее всего означала примерно следующее: 'Если же я тебе что-то должен за соль, то сообщи' (т. е. автор хочет выяснить, не потому ли адресат не возвращает долг, что, по его мнению, автор сам ему должен за соль). С учетом вероятной величины утрат можно предположить, например: (*али*) *въ сол*[*ь*] *ти есмь дъ*(*лъжьне чимь а*) *повѣжь.* Но детали конъектур могут быть и иными (например, вместо *али* мог стоять какой-то другой условный союз, слова *чимь* могло и не быть и т. п.). *Въ соль* — здесь 'за соль'.

Интересно не встречавшееся прежде имя *Рожнѣга* (неизвестно, мужское или женское); по-видимому, это такое же производное от *рожьнъ*, как и *Рож*(*ь*)*нѣтъ* (в грамотах № 336 и 915), но с другим суффиксом. Менее вероятно, что это женский вариант к имени *Align*

Грамота № 19. Найдена на усадьбе В Воздвиженского 4 раскопа. Стратиграфическая дата: нач. XII в. — 1148 г. Внестратиграфическая оценка дает несколько более позднюю дату: 2 пол. XII в. Это конечные три строки письма:

...| любо сѣмо присъли · а · твои п(рип)=
лъıваеть · а·же · оу·сторовѣе · а · съд(еж)=
емъ на товаръ

В конце первой строки лакуна размером в три буквы, в конце второй — размером в две буквы. Конъектура *п(рип)лываеть* практически надежна: она единственная, дающая разумный смысл. Для конъектуры *съд(ежс)емъ* 'снимем', 'сложим' возможны также варианты *съд(ѣн)емъ* и *съд(ѣ)емъ* (с тем же значением); но иных правдоподобных решений не усматривается.

Во фразе *а твои п(рип)лываеть* опущенное существительное (муж. рода) — скорее всего слово со значением 'судно' (подходят слова *насадъ* и *корабль*); но мыслимо также слово со значением 'товар' (вообще или какой-то конкретный). Если эта реконструкция верна, перед нами фрагмент письма о движении торговых судов (видимо, по Тверце, которую в договорных грамотах XIV–XV вв. иногда называли "Новоторжским путем"). В начальной части письма автор, вероятно, давал какое-то распоряжение относительно своего судна (или товара). Он требовал либо выполнить это распоряжение, либо прислать его судно (или товар) к нему. Далее он сообщал, что судно адресата (или с его товаром) уже приближается к месту назначения и в случае его благополучного прибытия груз будет сложен *на товаръ*. Слово *товаръ* здесь выступает либо в значении 'обоз', 'подводы', либо в значении 'стан', 'лагерь' (т. е. в данном случае некое место временного хранения) (см. [Срезн.]). Примечательно, что даже когда судно прошло почти весь свой путь, автор письма все еще не считает его прибытие гарантированным.

Перевод: '... либо сюда пришли. А твой приплывает. Если уцелеет, то сгрузим на подводы (*или*: на стан)'.

В грамоте отразилась диалектная древненовгородская основа *сторов-* 'жив-здоров', 'цел', 'благополучен' (см. [ДНД, §§ 2.48, 5.14]). Она выступает здесь в составе нигде ранее не засвидетельствованного глагола *устворовѣти* 'уцелеть'. Это слово показывает, между прочим, что термин *сторовъ* мог применяться не только к людям, но и к вещам. Словообразовательная модель — та же, что в *уцѣлѣти* от *цѣлъ*; далее ср. *устояти*, *усѣдѣти*, *утьрпѣти*, *удьржатисѧ* и т. п.

Для предполагаемого в данном тексте слова *съдѣти* 'снять', 'сложить' ср. у Даля [IV: 168] *сдѣть* (кафтан, рубаху) 'снять', 'скинуть', 'сорвать'. Ср. также известные из древних памятников глаголы с *-дѣти* в первичных значениях, прямо связанных с древним *дѣ-* 'класть': *придѣти* 'приложить', *одѣти* 'обложить', *задѣти* 'взвалить' и др. (см. [Срезн.]). У этих глаголов древняя форма презенса была *-дежеть*, поздняя — *-дѣнеть*; кроме того, в том же значении (но в несовершенном виде) выступал презенс *-дѣѥть*. Какой из этих вариантов представлен в данной грамоте, из-за лакуны неясно.

С морфологической точки зрения чрезвычайно важно, что в грамоте прямо противопоставлены презенс с *-ть* в простом предложении (*приплываеть*) и презенс без *-ть* в условном придаточном (*аже оусторовѣе*). Уже давно замечено, что в новгородских грамотах (берестяных и пергаменных) имеется некоторая статистическая зависимость между выбором окончания без *-ть* или с *-ть* и типом предложения: самый высокий процент примеров без *-ть* отмечен в предложениях, выражающих условие (вводимых специальным условным союзом или просто союзом *а*) или цель, т.е. там, где глагол передает не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие. В ранних берестяных грамотах в этом классе предложений словоформы 3 ед. первого спряжения имеют окончание *-е* (а не *-еть*) почти всегда, например: *ати боуде воина* 527, *аци ти присъле къ тъбѣ* 794, *оже кнѧзь поиде* 332а, *а боуде сторовъ кнѧзь* 852, *оте побоуде сыно у мене* 705. В словоформах с другими окончаниями этот эффект менее регулярен. (Менее регулярен он также в поздних грамотах.) Новоторжская грамота № 19 — это первый пример прямого семантически обусловленного противопоставления двух моделей презенса в рамках текста из двух фраз: *а твои п(рип)лываеть*; *аже оусторовѣе*, *а съд(ежс)емъ на товаръ*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буслаев Ф. 1861 — Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

Воробьева-Десятовская М. И. 1988 — Рукописная книга в культуре Индии // Культура народов Востока. Материалы и исследования. Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Книга вторая. М., 1988.

Даль — *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

ДНД — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Калайдович К. 1821 — Памятники российской словесности XII века. М., 1821.

Майков В. В. 1911 — Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.

Малыгин П. Д. 1989 — Культурный слой средневекового Торжка // КСИА. Вып. 195. М., 1989.

Пентковский А. М. 2001 — Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

ПСРЛ III — Полное собрание русских летописей. Т. III. СПб., 1841.

Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Сл. XI–XVII, 9 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982.

Срезн. — *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Столярова Л. В. 2000 — Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000.

Царевская Т. Ю. 1999 — Фрески церкви Благовещения на Мячине ("Аркажах"). Новгород, 1999.

Янин В. Л. 1982 — К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 году // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982.

Археологические исследования в Новгороде проводились при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-18047е).